

**Николаев
Сергей Н.**

ПКМУ-66

КМ МРС-150
РК им. Бекерева

Сергея Николаев, или боги получаются не сразу

Боги получаются не сразу.

Когда Серега делает замет - то-то картинка! Стоит он на верхнем мостике, великан-богатырь, в расстегнутой клетчатой сорочке с засученными рукавами. Играючись крутит рулевую баранку. Сейнер так же легко и быстро – тоже играючись – носится между судов, выкладывая ваера по снюрневодам вокруг косяка. “Сережа, сыпешь на мой ваер”, - слышно в эфире. “Серега, что ж ты делаешь”... “Сцепимся, Серега!” Но никогда никаких сцеплений у него не бывает. И вот выложит свой снюрневод между снюрневодами других сейнеров, выложит будто криво, одним словом, “баба-яга”, думаешь, у него получилась, а не замет – все пустырь тянут, а он не знает, куда рыбу девать. Что за расчет? Что за глазомер? Как он видит, где под водой косяки ходят, что у него за невод? А может, человек в рубашке родился, везет ему?

Может, ему тоже везет, когда он мечет невод между скал и ни одну не зацепит, или под свал, или у подножья потухшего подводного вулкана, или в яму? Ну если он так чувствует глубинное устройство моря, то можно представить, как он знает и чувствует вообще все море: в тумане выйти на “огород”, курс к базе проложить... так проложить курс, что сама база прямо перед носом покажется из

тумана, зайти в устье речки по малой воде. Лихой моряк и рыбак! Зимой, когда идут занятия капитанов, Сергей читает лекции по предмету “места промысла”.

А теперь я загляну в начало его рыбацкой биографии.

Семь лет назад – только начал капитанить – попал в сулой. Что такое сулой? А это когда ничего не поймешь и когда не выберешься живым. Это, обычно в торчащих из моря скалах, сталкиваются несколько течений и такую войну устраивают между собой, что судно, попавшее туда, расшибается о камни, утаскивается на дно, вытаскивается опять и опять о камни... и даже щепки от судна тебе будут терзаться морем до тех пор, пока и их, щепок, не останется. А Серега в тумане у мыса Крашенинникова – от этого мыса рыбаки убегают как от нечистой силы – попал в сулой. Как он уцелел, знает один он, конечно. В этом же году по беспечности старпома – Серега-то не при чем – врезались в подводный камень возле косы Семенова. Полундра! Еле успели завести пластырь и дотянуть до берега. Хорошо, не растерялись, молодцы, но каково капитану, позор-то какой!

А один раз море терзало Серегу пять суток, возле мыса Грозного дело было.

Пошли они поохотиться в устье речушки, ткнулись носом в берег. Только стали высаживаться, как баром шибануло сейнер на косу – вперед, назад! – лежат на берегу.

И погода на глазах стала портиться, пошла океанская зыбь, бары от нее кидали сейнер на берег дальше и дальше. Выход один – отклепать якорь, вывезти его в море и стаскиваться лебедкой. Пока возились с плотом, с якорем, шторм разыгрался капитальный, сейнер еще дальше подкинуло на берег, и дырочки появились от этих подкидываний. Давай жечь аварийные ракеты – ни одного судна поблизости. А сейнер колотит. На другой день один РС увидел ракеты, подошел, но погода грохотала штурмом.

РС подал Сергею свой ваер, стал дергать – порвал ваер. Тогда завел оба ваера – порвал оба ваера. И ушел в Пахачу за буксиром, за настоящим буксирным концом. А море колотит Серегу. На второй день РК возвратился с буксиром, завел его, но вода была малая, бесполезно было тащить, Серегин сейнер метрах в десяти от кромки воды уже.

РС остался ждать следующего дня, а Серега с командой стали рыть канаву, от сейнера к воде. Ну и работка! Бары хлещут и замывают его.

На следующий день, дождавшись полной воды, РС стал тащить Серегу и – порвал и буксирный.

Это уже был конец. Теперь уж ничего не сделаешь. Но рыбаки не сдались. Они стали ждать еще один день, полную воду. Связали буксир, к нему добавили ваеров и Серегиных и РСских. Шторм же шуровал капитальный.

И стащились.

За пять суток Серега похудел и почернел до неузнаваемости.

А что было с планами в начале капитанства? В первый же самостоятельный выход на промысел

Сергея порвал ваера. Только срастил их, и снюрневод в клочья – он почему-то цеплялся там, где никто не цеплялся. И рыба не шла. Другие берут по два, по три кутца, а у Сереги полкутца, как на заказ, что он только ни делал: и ваера промерял, и снюрневод проверял ячея в ячею – пустырь приходит, и все. И ничего не сделаешь.

Команда от него разбегалась, на правлении колхоза ставился вопрос о снятии его с капитанов – убыточная работа у Николаева.

Но оставили, выпустили в море. И Серега опять начал таскать пустыри, а тут зацепился за скалу, и невод оставил на грунте вместе с ваерами. Тут уж все, оставил сейнер.

Но в колхозе ему сказали: “Если хочешь, набирай сам команду и бери вон списанный сейнер, что лежит на корабельном кладбище. Ремонтуй, оснащай”.

И Серега начал менять на ржавом гнудом сейнере палубу, проржавленные борта, ставить стрелу... собирал его одним словом, по скобе. И никто не шел к нему работать, только самые близкие, корешки.

А тут еще в эту черную полосу жизни с семьей не все нормально стало – иногда представители прекрасного пола бьют лежащих, может, и не хотят бить, но так получается, само собой, что ли?

Что же сейчас? Среди рыбаков на Восточном побережье Камчатки Серегу считают богом и дьяволом. И по мастерству, и по бесстрашию, и по самой приколованной удачливости.

Пятилетку он выполнил в три года. Впрочем... еще бы несколько центнеров во второй год пятилетки, и он бы ее выполнил в два.

Так-то вот, не сразу боги получают.

Николай Прокофьевич Рыжих “Чистое море”, 1976 г., Рязань, Новая 69/12.